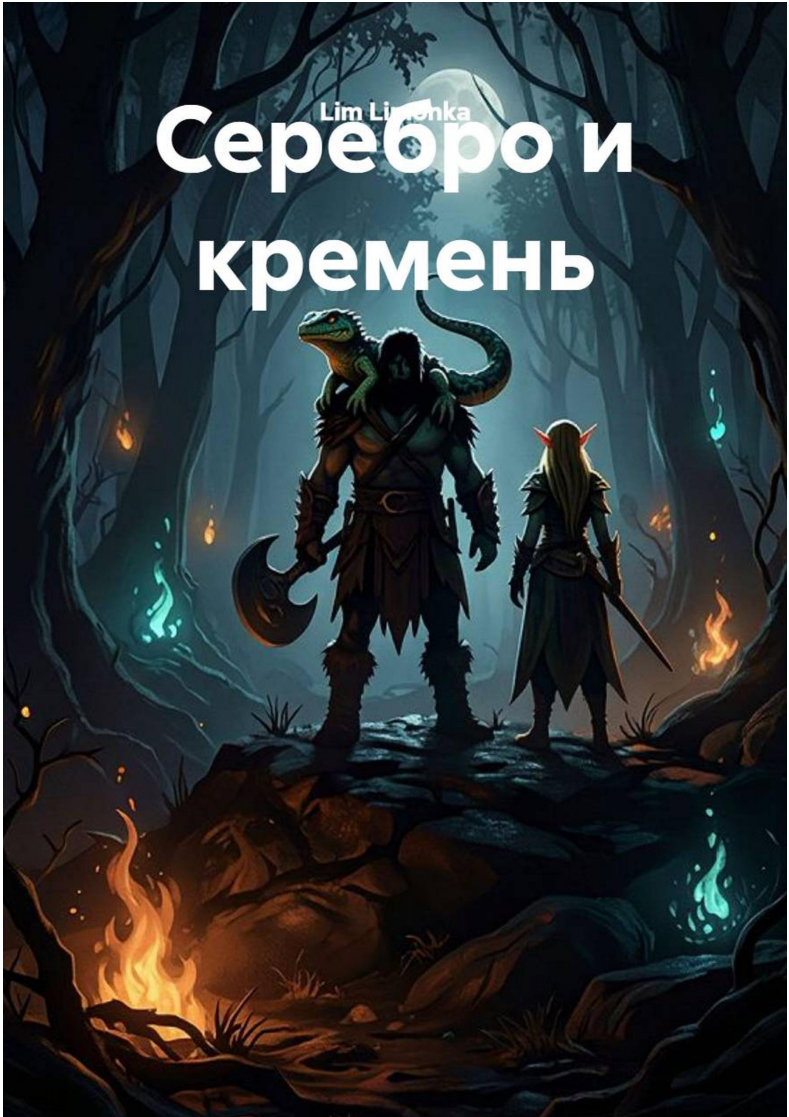
Lim Limonka

Серебро и кремень

Lim Limonka

Серебро и кремень

https://litres.ru/74714603
SelfPub; 2026

Аннотация

Кайрен — бывший охотник на орков, который однажды ночью ударил не того. Сэйла — эльфийская принцесса, выброшенная морем на чужой берег. За живого эльфа обещано помилование, а у Кайрена есть ящер, который знает дорогу туда, откуда не возвращаются. Там, за краем карты, лежит Корона, способная изменить одно событие прошлого. Одно — на двоих. Приключенческое фэнтези о вынужденной дружбе врагов, гноме, который считает мёртвых, и о том, что открыть дверь нетрудно — трудно сделать первый шаг.

Содержание

Часть первая. Берег людей 4
Глава 1. Рынок в порту 4
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Lim Limonka
Серебро и кремень

Часть первая. Берег людей

Глава 1. Рынок в порту

Кремень опять украл рыбу.

Кайрен понял это раньше, чем открыл глаза: по запаху и по довольному хрусту над самым ухом. Ящер лежал поперёк входа в грот, заняв собой всё утреннее солнце, и доедал чью-то треску вместе с головой. Чью именно, выяснять не хотелось. Ближайшие рыбацкие сушила стояли в двух верстах отсюда, и если Кремень ходил туда ночью, значит, кто-нибудь уже разглядывал на песке следы шириной в три ладони.

— Нас из-за тебя повесят, — сказал Кайрен. — Точнее, повесят меня. А тебя продадут в обоз, и будешь до старости возить бочки.

Кремень моргнул сначала одним веком, потом вторым, прозрачным, и проглотил хвост.

Он был серо-бурый, в цвет мокрой гальки, длиной с хорошую лодку, если считать хвост, и упрямый, как три мула. Таких ящеров в Дракмаре ставили под седло ловчим и гон-

цам. Они шли по камням там, где лошадь ломала ноги, не боялись ни огня, ни крови и слушались одного-единственного всадника. Всадника они выбирали сами, и переубедить их ещё никому не удавалось.

Кайрен вытряхнул песок из сапог и собрал мешок. За последние дни море отдало немного: моток просмолённого каната, две медные уключины, пригоршню янтаря и нож с костяной рукоятью, почти не тронутый ржавчиной. На хлеб и соль хватит. На новое имя и место на корабле, идущем подальше отсюда, не хватит, но на это не хватало уже второй год.

— Сиди здесь, — сказал он. — Здесь. Не у сушил. Не на дороге.

Ящер положил голову на лапы и закрыл глаза с видом существа, которое ничего не обещало.

* * *

Соляная Гавань начиналась с запаха. Сначала рассол, дёготь и рыбьи потроха, и только потом из-за дюн показывались серые крыши и частокол мачт. Город жил тем, что солил рыбу для половины Дракмара и кормил гарнизон, стерегущий пролив.

Людей здесь было много. Людей в Дракмаре везде было много: они возили, тесали, торговались, рожали детей и ставили новые дома вплотную к старым, и казалось, что империя растёт просто потому, что ей некуда деться от собственного народа. Магии у людей не водилось никакой. Зато было

число, было железо и были ящеры, и до сих пор этого хватало на всех соседей.

У ворот его обогнал разъезд: четверо ловчих на поджарых степных ящерах, с сетями у сёдел. Дети бежали следом и визжали от восторга. Кайрен надвинул капюшон, ссутулился и пошёл так, как ходят батраки: глядя под ноги и никуда не торопясь. За два года он выучил эту походку лучше, чем когда-то строевой шаг.

Скупщик Орм держал лавку у самых причалов и брал всё, что выбрасывало море, не спрашивая, чьё оно было раньше. Канат он долго мял в пальцах, уключины взвесил на ладони, на янтарь посмотрел сквозь солнце.

— Восемь медяков за всё.

— Двенадцать. Один нож стоит пять.

— Нож стоит пять, когда у него есть хозяин, который может сказать, откуда он взялся. — Орм улыбнулся мелкими зубами. — Десять, и я не помню твоего лица.

— Ты и так его не помнишь.

— Вот видишь, как хорошо у нас выходит.

Сошлись на десяти. Пока Орм отсчитывал монеты, за стеной перекрикивали друг друга две торговки, и Кайрен слушал. Привычка осталась со службы: новости на рынке всегда опережали гонцов.

— Третью ночь огни в проливе, говорю тебе! Зелёные. Муж сам видел с баркаса.

— Твой муж и русалку видел, когда бочонок уронил.

— А патрули зачем удвоили? Просто так? С Серпа кто-то идёт, помяни моё слово.

Серпом Луны на этом берегу звали землю за проливом, узкую, выгнутую, сплошь заросшую лесом. До неё была сотня вёрст воды, и в самый ясный день с маяка нельзя было разглядеть даже её тени. Там жили эльфы. Про эльфов в Соляной Гавани знали три вещи, и все три рассказывали детям на ночь. Что живут они по триста лет и потому смотрят на людей, как люди на мошкару. Что колдуют так же легко, как дышат. И что лес у них не простой.

Дед нынешнего императора отправил за пролив три легиона на двухстах кораблях. Корабли потом прибило обратно: пустые, целые, с нетронутыми припасами в трюмах. Из леса не вышел никто.

С тех пор Дракмар с Серпом не воевал. Он его сторожил.

— А шёлк эльфийский откуда тогда берётся? — не унималась вторая торговка. — Я у жены коменданта платок видела, он сам светится.

— Известно откуда. Полурослики возят. Эти в игольное ушко пролезут и ещё пошлину с иголки возьмут.

Орм кашлянул и очень внимательно посмотрел в потолок. Под прилавком у него, Кайрен знал, стоял ящик, который не выбрасывало никакое море.

* * *

Рынок шумел на площади перед таможней. Кайрен купил хлеба, мешочек соли и связку вяленой рыбы. Рыба предна-

значалась Кремню, чтобы не воровал. Не поможет, но совесть будет чище. Он уже повернул к воротам, когда толпа впереди качнулась и встала.

Продавали орков.

Он знал, что увидит, раньше, чем увидел: помост, шесть клеток на колёсах, приказчик с жезлом. Знал и клейма на прутьях: «Вторая ловчая сотня», летний гон, предгорья. Знал даже, как их брали: ночью, с ящеров, сетями, чтобы не попортить. Он сам так брал четыре года подряд, и у него хорошо получалось.

— Самец, в полной силе! — выкрикивал приказчик. — Камень ломать, лес валить, в упряжи ходит за двух быков! Смирный, проверено!

Орк в ближней клетке сидел, опустив на колени руки, каждая с лопату. Он был серо-зелёный, тяжёлый, с обломанным левым клыком и смотрел не на толпу, а поверх крыш, туда, где за городом синели горы. Мальчишка лет семи, расхрабрившись, швырнул в него камешком. Орк поймал камешек, не повернув головы. Подержал в кулаке. Потом аккуратно, двумя пальцами, положил на пол клетки у самых прутьев, так, чтобы мальчишка мог дотянуться и забрать.

Мальчишка не забрал. Толпа засмеялась, приказчик тоже.

«Они не кусаются, Кай, — говорил когда-то Ивар. — Ты хоть раз видел, чтобы кусались? Это мы кусаемся».

Ивару было тогда шестнадцать, и он ещё носил в карманах хлеб для всех собак на улице. Кайрен ответил ему что-то

про службу и про то, что младшим полагается молчать. Что именно, он не помнил. Он многое бы отдал, чтобы помнить это, а не то, как падает с головы мокрый капюшон.

Он отвернулся и пошёл вдоль рядов, считая шаги.

* * *

На сорок втором шаге его толкнули под локоть.

— Гляди, куда прёшь, жердь, — сказали снизу.

Толкнувший был ему по грудь, зато в плечах шире вдвое. Плащ до пят, капюшон до носа, на спине пустой бочонок, пристёгнутый ремнями, как ребёнок у крестьянки. Из-под капюшона торчал подбородок, выскобленный до синевы и порезанный в трёх местах. Человек, который бреется всю жизнь, так не режется.

Коротышка тем временем уже наседал на пивовара:

— Это, по-твоему, тёмное? Я в нём дно кружки вижу. Я в нём вижу твою бесстыжую душу, и она тоже разбавлена.

— Не нравится — не бери.

— Возьму. Помирать всё равно скоро, так хоть не трезвым. Но за полцены: вторую половину ты уже вылил в колодец.

Он полез за кошелём, плащ на груди разошёлся, и Кайрен увидел: под рубахой, заправленная за ворот и перехваченная шнурком, лежала борода. Рыжая с проседью, заплетённая в две косы. На конце одной блеснуло железное кольцо с насечкой.

Гном.

Кайрен не видел живого гнома лет десять. Считалось, что их в Дракмаре не осталось. Когда императору понадобились горные рудники, гномов сначала попросили потесниться, потом попросили ещё раз, а потом в горы поднялись легионы. Про то, что было дальше, песен не сложили. Говорили только, что гномья сталь с тех пор в цене вдесятеро и что за живого мастера рудничные конторы платят столько же, сколько за дюжину орков. Мёртвый стоил дешевле, но тоже стоил.

От таможни через толпу шёл патруль: трое в серых плащах, с короткими копьями. Шли лениво, но прямо сюда.

Умный человек на месте Кайрена сейчас смотрел бы в другую сторону. Кайрен так и собирался.

Вместо этого он шагнул вперёд, встал между гномом и проходом и громко, на весь ряд, спросил у пивовара, почём бочонок кислого и нельзя ли в долг до улова. Пивовар обругал его попрошайкой. Кайрен обиделся, развёл руками и задел плечом соседний навес. С навеса посыпалась сушёная вобла, хозяйка завизжала. Патрульные посмотрели на шум, на воблу, на оборванца в капюшоне и прошли мимо, брезгливо забирая в сторону.

Когда Кайрен обернулся, гном уже запахнул плащ. Из-под капюшона на него смотрел один глаз, светлый, цепкий и очень трезвый.

— Зря, — сказал гном негромко. — Меня бы просто убили. А тебя теперь запомнили.

— Не за что.

— Вот и я говорю: не за что. — Он поправил бочонок на спине. — Ладно, жердь. Доживёшь до зимы, значит, везучий, а я везучих не люблю. Бывай.

И ушёл в толпу, раздвигая её плечом, как лодка камыш.

Кайрен постоял ещё немного. Потом подобрал с земли воблу, сложил обратно на навес и отдал хозяйке медяк из своих десяти. Зачем он всё это сделал, он не знал. Ивар бы знал.

* * *

У ворот, на столбе, где вешали указы, белели листы. Он не хотел подходить, но обойти столб значило идти через караульню.

Первый лист он знал наизусть. Рисовальщик ему польстил: на рисунке у него был твёрдый подбородок и взгляд человека, который не ночует в гротах.

«Кайрен, бывший ловчий Третьей сотни. Росту высокого, волос тёмный, на левой брови шрам. Дезертир, нарушивший присягу. Опасен. Ездит на ящере кремнёвой масти. Сорок золотых за живого, двадцать за голову».

Бумага выцвела, угол оборвался: лист висел с прошлой весны. Сорок золотых. Он, оказывается, подешевел. В первый год давали шестьдесят.

Второй лист был новый и ещё пах клеем.

«Именем императора Дракмара. Всякому, кто доставит в гарнизон живого эльфа, тысяча золотых и полное помилование любых вин перед престолом, каковы бы они ни были.

Капитан ловчих Хольт».

Подпись он узнал бы и без имени. Хольт всегда выводил хвост у последней буквы длинно и ровно, как черту под списком. Тем же хвостом был подписан приказ в ту ночь. Тем же хвостом была подписана первая благодарность перед строем, которую Кайрен в девятнадцать лет носил за пазухой, как письмо от девушки.

«Любых вин, каковы бы они ни были».

Он прочёл это три раза. Потом усмехнулся. Эльфа на этом берегу не видели со времён дедовых легионов. С тем же успехом Хольт мог обещать помилование за пойманную луну.

* * *

Вечером он честно выложил перед Кремнем всю связку вяленой рыбы. Ящер обнюхал её, посмотрел на Кайрена так, будто ему предложили сапог, и отвернулся к стене.

— Краденая, значит, вкуснее.

Кремень шумно выдохнул. Кайрен разломил хлеб, посолил и стал есть, привалившись спиной к тёплому чешуйчатому боку. Ящер грел, как печь, которая остывает к утру. За два года это был единственный бок, к которому Кайрен мог привалиться, и единственное существо, которое знало, кто он такой. Хорошо, что ящеры не болтливы.

Ночью его разбудил Кремень.

Ящер не рычал и не толкался. Он стоял у входа в грот, вытянув шею к морю, и не шевелился. Кайрен никогда не видел, чтобы он так стоял. Вяленая рыба так и лежала нетронутая.

— Что там?

Над проливом не было ни луны, ни звёзд, только низкая облачная муть. И в этой темноте, далеко, может быть в двух верстах от берега, горел огонь. Сначала точка. Потом точка вытянулась вверх, раздвоилась, и стало видно, что горит лодка, маленькая, с одним косым парусом, который вспыхнул разом, как сухой лист. Рядом с ней двигались три ровных жёлтых огня: фонари патрульной галеры. По воде донёсся звук, похожий на треск ломаемой доски. Потом ещё один.

Огонь продержался недолго. Он осел и погас. Жёлтые фонари покружили на месте, выстроились в линию и пошли к гавани.

Стало очень тихо. Только прибой.

«Третью ночь огни в проливе. С Серпа кто-то идёт».

Кремень так и не повернул головы. Он смотрел не туда, где горела лодка. Он смотрел дальше и левее, в пустую черноту на юго-западе, где не было ни Серпа, ни берега, ни одного огня, и ноздри у него раздувались, словно оттуда пахло чем-то, что он давно потерял.

— Нечего там высматривать, — сказал Кайрен. — Там край карты.

Моряки звали то место Тихой Землёй и плевали через плечо, когда её поминали. Говорили, что туда уходили корабли и ни один не вернулся. Говорили ещё, что там спрятана корона, которой можно переписать мир заново, но это уже после третьей кружки. Кайрен в короны не верил. Он верил

в хлеб, соль и сорок золотых за свою голову.

Он сказал себе, что утром пойдёт вдоль берега, как всегда. Что после такой ночи море обязательно что-нибудь отдаст: доски, канат, может быть, бочонок. Что он просто соберёт своё, как делал это два года.

О втором листе на столбе он не думал. Он очень старался о нём не думать, до самого рассвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.